

В какую «Сибирь» ездили французы в XVIII веке Жильбер Ромм и другие

Александр Чудинов

Бурная биография Жильбера Ромма (1750–1795), видного деятеля Французской революции XVIII в., изучалась десятками историков из разных стран¹. Разумеется, в центре их внимания находился преимущественно её революционный этап, когда Ромм в качестве депутата Конвента принял участие в разработке нового, республиканского календаря, голосовал за казнь короля Людовика XVI, осуществлял политические миссии в департаментах и, наконец, завершил свой земной путь в числе шести «мучеников прериала». Впрочем, немалый интерес у исследователей вызывал и предшествовавший Революции период жизни Ромма, когда тот, служа воспитателем юного графа Павла Александровича Строганова (1772–1917), в дальнейшем крупного государственного и военного деятеля России, совершал со своим подопечным дальние путешествия по России и Западной Европе. Однако далеко не все эпизоды их странствий получили достаточное освещение в научной литературе. Если о поездках в Финляндию (1783), к Белому морю (1784) и в Крым (1786) можно получить детальное представление по путевым дневникам Ромма, опубликованным либо на языке оригинала – французском², либо в русском переводе³, то первое, самое продолжительное путешествие Ромма по России, когда он со своим подопечным сопровождал в 1781 г. графа Александра Сергеевича Строганова в поездке на восток, долгое время оставалось одной из наиболее загадочных страниц его жизни. Из всех путешествий будущего революционера с этим в исторической литературе связано больше всего разнообразных гипотез и толкований.

Отчасти это обусловлено тем, что Ромм не оставил столь же цельного и подробного описания своей первой поездки, как всех последующих. И если об отдельных отрезках маршрута до переправы путешественников через Волгу – от Петербурга до Москвы и от Нижнего Новгорода до Казани – мы ещё можем узнать из путевых заметок Ромма⁴, то о заволжской части турне более или менее подробно повествует лишь письмо Ромма своему другу, директору почты города Риома – Габриэлю Дюбрёлю от 28 ноября (8 декабря)⁵ 1781 г.

© 2014 г. А.В. Чудинов

¹ Подробнее см.: Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. М., 2010. Гл. 1.

² *Haltsonen S. Romme et son récit de voyage en Finlande // Mélanges de philologie et de linguistique offerts à Tauno Nurmela. Turku, 1967. P. 67–71.*

³ Ромм Ж. Путешествие к Белому морю в 1784 году // Север. 2007. № 1–2. С. 176–192; он же. Путешествие в Крым в 1786 г. / Сост. К.И. Раткевич. Л., 1941.

⁴ См.: РГАДА, ф. 1278, оп. 3, д. 19.

⁵ Авторский коллектив издания переписки Ж. Ромма, в который входит и автор этих строк, остановился именно на такой датировке указанного документа. См.: *Romme G. Correspondance / Édition établie par A.-M. Bourdin, Ph. Bourdin, J. Ehrard, H. Rol-Tanguy et A. Tchoudinov. T. 2. Clermont-Ferrand, Presses Universitaires Blaise-Pascal (в печати).* Ранее же я считал, что эти, не

Когда-то все названные документы входили в личный архив Ромма, который у родственников бывшего революционера купил его первый биограф, овернский краевед М. де Виссак. В распоряжении этого исследователя имелись, как мы увидим далее, и другие материалы по данному путешествию, до нас, увы, не дошедшие. Правда, в своей книге он использовал лишь малую толику находившихся у него сокровищ и к тому же не делал подстрочных ссылок на источники⁶. В конце XIX в. большую часть этих бумаг у него выкупил русский историк, вел. кн. Николай Михайлович, работавший над биографией П.А. Строганова⁷. После Октябрьской революции великий князь был расстрелян большевиками, а принадлежавшие ему бумаги Ромма разошлись по разным архивам Италии и России. Итальянская часть легла в основу фундаментального биографического исследования о Ромме, выполненного туринским историком А. Галанте-Гарроне⁸, российская до последнего времени изучалась довольно слабо. И только относительно недавно, в результате работы франко-российской команды исследователей над многотомным изданием бумаг Ромма, все эти источники оказались сосредоточены в одних руках, что и позволяет мне сегодня предложить вниманию читателей свою версию его путешествия на восток.

* * *

О том, куда после Казани лежал путь Ромма, в исторической литературе высказывались разные и весьма противоречивые суждения. Начало недоразумениям положил де Виссак, посвятивший путешествиям Ромма по России целую главу, которая начинается с сообщения о том, что конечной целью первого путешествия Ромма и его ученика была «азиатская Сибирь, родовое гнездо Строгановых»⁹. Собственно говоря, уже здесь у человека, знакомого с географией России, термин «азиатская Сибирь» не может не вызвать недоумения, поскольку, как известно, никакой другой Сибири – «европейской», например, – не существует, а значит, подобное уточнение лишено смысла. Впрочем, далее мы увидим, что представления французов XVIII века о границах Сибири были столь же широкими, сколь и неопределёнными, а потому не будем предъявлять излишне строгих претензий к овернскому историку, тем более что уже в следующем своём пассаже он сообщит нам ещё более удивительные вещи: «Это было восхитительное намерение – заниматься наблюдениями и исследованиями в таком путешествии от берегов Балтийского моря к Уральским горам, от Камчатского залива и Скандинавского полуострова до реки Амур, граничащей с Китаем»¹⁰. Увы, попытка перенести подобный маршрут на карту обречена на провал: если мы без труда можем провести линию от Балтики до Урала, то совместить Камчатский залив со Скандинавским полуостровом в качестве

слишком разборчиво начертанные Роммом значки означают «8 (18) декабря», и в своих предыдущих публикациях датировал данное письмо именно так. Как бы то ни было, и в том, и в другом варианте в датах ошибается и сам Ромм: разница между старым и новым стилями составляла тогда 11 дней, а не 10, как получается у него.

⁶ *Vissac M.de. Romme le Montagnard. Clermont-Ferrand, 1883.*

⁷ *Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов. Т. 1–3. СПб., 1903.*

⁸ *Galante-Garrone A. Gilbert Romme. Storia di un rivoluzionario. Torino, 1959. Французское издание, исправленное и дополненное: Idem. Gilbert Romme: histoire d'un révolutionnaire. P., 1971.*

⁹ *Vissac M. de. Op. cit. P. 81.*

¹⁰ *Ibid.*

исходной точки движения к Амуру едва ли проще, чем вывести знаменитую квадратуру круга.

Любопытно, что описание де Виссаком самого путешествия столь же явно делится на две части: от Балтики до Урала и, скажем так, всё остальное. Первая – рассказ о поездке к Уралу – выглядит вполне реалистичной и содержит упоминания о конкретных деталях, имеющих более или менее точную топографическую привязку. Ссылаясь на недошедшие до нас письма Ромма к его приятельнице мадемуазель Антуанетте Доде, компаньонке графини Строгановой, де Виссак сообщает, что её корреспондент описывал вишнёвые деревья города Владимира, берега Оки, покрытые цветущим шиповником и вероникой, богатые рыбой воды реки «Санша» (*la Sancha*). Последнюю мне идентифицировать не удалось. Ромм более чем свободно транскрибировал географические названия, особенно записанные со слуха. К тому же де Виссак мог допустить ошибку в расшифровке далеко не самого разборчивого почерка своего героя, тем более что само название русской реки этому историк у едва ли что-то говорило. Возможно, речь идёт о реке Какша, впадающей в Ветлугу.

Далее де Виссак сообщает, что путешественники «вскоре» прибыли в село Ильинское (*Ilinski-Célo*), центр владений Строгановых на берегах Камы и Чусовой, а потом поехали в приуральский город Кунгур (*Kankor*)¹¹. Заметим, что пребывание Ромма в Ильинском (*Ilinsk*) подтверждается и таким независимым источником, как имеющееся в нашем распоряжении недатированное письмо Ромму от всё той же А. Доде, которая сообщает ему, что получила от него послание из этого населённого пункта¹². Другое письмо Ромму от мадемуазель Доде от 3(14) октября 1781 г. свидетельствует о том, что в эту поездку Ромм побывал также в Екатеринбурге¹³.

А вот в подтверждение «зауральской» части рассказа де Виссака о путешествии Ромма каких-либо независимых источников у нас нет. Между тем эта часть его повествования разительно отличается от предыдущей: всякая конкретика здесь исчезает, и взору читателей предстаёт набросанная крупными мазками картина, по красочности напоминающая «Путешествие Синбада-морехода». Обратим внимание и на то, что упомянутые в ней географические названия на сей раз безупречно воспроизведены в соответствии с нормами XIX в., как если бы автор взял их не из текстов Ромма, который весьма произвольно транскрибировал топонимику, а из академического атласа своего времени:

«От Уральских гор, где изобилуют аметисты, топазы, турмалины, гранаты, бериллы, халцедоны, ониксы, яшма, агаты, асбест и циркон, до Алтая, где расположены месторождения золота, при следовании через тот обширный регион, по одну сторону которого – Россия и Европа, по другую – Маньчжурия, Монголия и Татария, от Оби до Лены, от Енисея до вод Амура, от Байкала до соляных озер, всё – от мельчайшего из четвероногих, землеройки, до крупнейшего из них, ископаемого мамонта, от соболей, горностаев и голубых песцов до бобров и самых маленьких водоплавающих – всё служило обучению и наставлению – наставлению, почерпнутому в великой книге природы, в той школе, где великим учителем и высочайшим воспитателем выступал Создатель»¹⁴.

¹¹ *Ibid.* P. 82.

¹² Архив Санкт-Петербургского института истории РАН, ф. 8, картон 372, д. 2.

¹³ Там же.

¹⁴ *Vissac M. de. Op. cit.* P. 83.

Ни одного конкретного факта, свидетельствующего о том, что путешественники пересекли Уральские горы и побывали собственно в Сибири, де Виссак не привёл. Неудивительно, что у российских историков, гораздо лучше овернского краеведа представлявших себе географические реалии своей страны, его рассказ доверия не вызвал. П.И. Бартенев, анализируя книгу де Виссака, скептически заметил: «По уверению Роммова биографа, они доезжали до Алтая и Байкальского озера (в чём позволительно сомневаться)»¹⁵. Великий князь Николай Михайлович и советская исследовательница К.И. Раткевич, знакомые с материалами личного архива Ромма, также ни словом не обмолвились о каком-либо «путешествии в Сибирь»¹⁶. Западноевропейские же историки приняли на веру высокопарную риторику де Виссака, в результате чего утверждение о совершённом Роммом путешествии в Сибирь стало общим местом соответствующей историографии. Оно попало «рикошетом» даже в работу А. Галанте-Гарроне¹⁷, хотя никаких фактов, подкреплявших данный тезис, автор не привёл. Французские же историки Р. Бускейроль и Д. Жюлиа и вовсе, подобно де Виссаку, «отправили» Ромма на Байкал¹⁸.

Так куда же всё-таки поехал Ромм из Казани? Обратимся к упомянутому выше письму Ромма Г. Дюбрёлю:

«И вот я, наконец, вернулся к вам, мои дорогие друзья. Я могу написать вам после шести месяцев молчания, которые были заняты долгим и трудным путешествием, когда я мог только думать о вас, не питая надежды сообщить вам свои новости или узнать ваши.

...Возвращаясь в Петербург, я ожидал найти здесь несколько писем из Оверни, но не нашёл ни одного. Вы осудили меня на забвение. Я так же далёк от вас, как тогда, когда находился у ворот Азии, в этой Сибири, столь опороченной молвой, столь дикой, столь бесплодной, как считают наши французы, и столь достойной быть местом ссылки для всех злодеев империи. В изображении всех писателей она являет собою самую ужасную и самую печальную картину из всех известных на свете. Однако мы же нашли её совершенно иной. Сибирь богата лесами в тех частях, где бедна людьми, но везде, не считая того, что находится выше 56–60° северной широты, почва исключительно плодородна и хорошо возделана повсюду, где для этого есть руки. А там, где она не обрабатывается, о её плодородии свидетельствуют великолепные леса и растущие диким образом замечательные плоды, большинство из которых в нашем климате не известны. Мы видели дягиль высотой 7–8 футов, хмель, поднимающийся до самых высоких вершин деревьев, ягоды чёрной смородины величиной с лесной орех и т.д. на земле, которую никогда не бороздило железо. Реки удивляют своей шириной, красотой и густой порослью берегов, которые они, как Нил в Египте, удобряют во время ежегодных разливов. Обширные луга, после того, как пять месяцев были покрыты снегом и один месяц водой, остальную часть года представляют собою самые тучные и изобильные пастбища, где жители оставляют свою скотину пастись на просторе, огра-

¹⁵ Бартенев П.И. Жильбер Ромм (1750–1795). К истории русской образованности нового времени // Русский архив. 1887. № 1. С. 17.

¹⁶ Великий князь упомянул поездки Ромма «из Москвы в Нижний, из Нижнего Новгорода в Казань, из Петербурга в Выборг и на Иматру» и о путешествии в Крым; К.И. Раткевич – о путешествиях в Нижний Новгород (1781), к Белому морю (1784) и в Крым (1784). См.: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1; Раткевич К.И. К биографии Жильбера Ромма. (Его рукописное наследство в архивах СССР) // Учёные записки ЛГУ. Л., 1940. № 52. Серия: Исторические науки. Вып. 6. С. 268.

¹⁷ Galante-Garrone A. Op cit. P. 108.

¹⁸ См.: Bouscayrol R. Les lettres de Miette Tailhand-Romme. Clermont-Ferrand, 1979. P. 167, note 41; Julia D. Gilbert Romme, gouverneur (1779–1790) // Gilbert Romme (1750–1795). Actes du colloque de Riom (19 et 20 mai 1995). P., 1996. P. 63.

ниченном только естественными преградами и согласием местных обитателей. Зима здесь долгая, но это время года отнюдь не является неприятным. Никогда воздух не бывает более чист и свеж. Это – время охоты для тех, кто её любит, либо путешествий и завоза купцами припасов; всё установится одной большой дорогой, и хотя природа спит, никогда человек не бывает более активен. Ледяной покров толщиной около 2–3 футов позволяет проехать в любое место; сообщение удобно и не столь дорого.

Крестьянин считается рабом, поскольку господин может его продать, обменять по своему усмотрению, но в целом их рабство предпочтительнее той свободы, коей пользуются наши земледельцы. Здесь каждый имеет земли больше, чем может обработать. Русский крестьянин, далекий от городской жизни, трудолюбив, весьма смекалист, гостеприимен, человечен и, как правило, живёт в достатке. Когда он завершит заготовку на зиму всего необходимого для себя и своей скотины, он предаётся отдыху в избе (isba), если не приписан к какой-либо фабрике, каковых в этой области много, благодаря богатым рудникам, или если не отправляется в путешествие по своим делам или по делам господина. Если бы здесь были лучше известны ремёсла, у крестьян было бы меньше времени для досуга в тот период, когда они не заняты сельским трудом. И господин, и раб получили бы себе от этого пользу, но ни те, ни другие не умеют рассчитывать свою выгоду, поскольку ещё не достаточно прочувствовали необходимость ремёсел. Здесь царит простота нравов и довольный вид никогда бы не покидал людей, если бы мелкие чинуши или крупные собственники не проявляли жадности и рвачества. Малочисленное население области во многом является причиной изобилия всего, что необходимо для жизни. Продовольствие стоит так дешево, что, получая два лундора, крестьянин живёт весьма зажиточно. Можно видеть много детей, но до взрослого возраста доживают немногие из них. Высокую смертность вызывают оспа и привычка тесниться зимой в маленьких, низких, чрезмерно отапливаемых и почти герметично закрытых домах, что вызывает болезни, нередко весьма губительные. Прививки и чуть больше внимания к проветриванию изб позволили бы предотвратить многие несчастья и умножить население, когда-то весьма многочисленное в этих областях, где ранее обитали даки, иллирийцы, скифы, которых Дарий во главе 500 тыс. персов и Александр с 30 тыс. столь же храбрых греков [текст повреждён] завоевать. Земля сильно изменилась. Горсть людей [текст повреждён] без труда покоряет теперь потомков тех, кто так хорошо умел заставить самые могучие нации уважать себя.

Мы видели и с огромным удовольствием изучали небольшой народ, который, уплатив небольшую дань короне и выполнив некоторые повинности, остальную часть года живёт свободно. Народ невежественный, но мудрый своими нравами и своей простотой, аналога которой больше нигде не существует. Живя в полном единении, не зная ни судебных тяжб, ни споров, гостеприимные к иностранцам и помогающие друг другу в необходимом, они не знают ни тревог, ни бедности, ни проблем, связанных с излишествами. Религия у них не греческая, не римская, не магометанство, не иудаизм. Простое жертвоприношение нескольких [неразб.] хлеба и мёда, одну долю которых бросают в огонь, а остальное распределяют между присутствующими, свершающими вместе братскую трапезу после того, как возблагодарят за благодеяния Создателя природы и отдадут ему должное собранными плодами»¹⁹.

Этот текст наглядно демонстрирует руссоистские убеждения Ромма с характерным для них культом природы и простоты не испорченных цивилизацией нравов, показывает довольно приблизительное знание его автором древней истории, однако мало что говорит нам о географии самого вояжа. Изображённый Роммом ландшафт в той же степени характерен для Предуралья, в какой и для Западной Сибири; крепостных крестьян тогда можно было встретить по обе стороны Уральских гор (вопреки распространённому утверждению об отсутствии крепостного права в Сибири); а описанной Роммом автохтонной народ-

¹⁹ Museo del Risorgimento di Milano, fonds Romme, carton 1, d. 13.

ностью с равным успехом могли быть и приуральские удмурты, и зауральские ханты.

Правда, как мы видели, сам Ромм дважды упоминает о том, что ездил он именно в «Сибирь». То же самое, очевидно с его слов, сообщает 5 июля 1781 г. Г. Дюбрёлю из Парижа их общий друг Ж. Демишель: «Никоим образом не считая, что поездка Ромма в Сибирь способна повредить его здоровью, я, напротив, вижу в ней средство ему развлечься, что для него будет очень хорошо»²⁰. Однако не стоит рассматривать эти свидетельства как бесспорное доказательство того, что губернёр Строгановых, действительно, побывал в той части России, которую мы сегодня именуем Сибирью.

В XVIII в. представления французов о том, что следует называть Сибирью, были достаточно расплывчаты. Это видно хотя бы по приобретшей широкую и во многом скандальную известность книге «Путешествие в Сибирь», изданной в 1768 г. аббатом Ж. Шаппом д'Отрошем (в отечественной литературе встречается также транскрипция его фамилии как «д'Отерош»). Казалось бы, уж кто-кто, а этот французский астроном, добравшийся в 1761 г. до Тобольска, чтобы наблюдать прохождение Венеры по диску Солнца, должен был иметь более или менее чёткое представление о том крае, где побывал. Однако в его сочинении понятие «Сибирь» имеет разные значения. Так, Шапп употребляет его в смысле, близком к современному нам, когда пишет, что Уральские горы, которые он называет «Пояс Земной», отделяют Россию (мы бы сегодня сказали «европейскую часть России») от Сибири²¹. В описании же своего путешествия он даёт этому топониму гораздо более широкое толкование. Рассказывая о том, как неподалеку от «Клинова» (Хлынова, т.е. Вятки) он потерял провожатых, Шапп восклицает: «Легко себе представить, каково было моё положение: затерянный во тьме ночной, в тысяче четырёхстах лье от своей родины, среди снегов и льдов Сибири» и т.д.²² Поволжские народы – вотяки (удмурты), черемисы (марийцы), чувашаи и татары – живут, по его словам, «у западных границ Сибири»²³. Екатеринбург «являет собой средоточие всего горнорудного и железоплавильного дела Сибири»²⁴. Иначе говоря, Шапп включает в «Сибирь» не только Зауралье (Тобольск), но и Урал (Екатеринбург), и даже Предуралье (Вятку).

А вот ещё один пример. В архиве Ромма сохранилось никогда ранее не публиковавшееся письмо от 17 марта 1785 г. его друга-француза Пьера-Иньяса Жама, служившего в Москве губернёром сына графа А.К. Разумовского²⁵. Автор письма подробно рассказывает Ромму о собственной поездке «в Сибирь», совершённой им вместе со своим нанимателем летом–осенью 1784 г. Рассказ этот любопытен и заслуживает того, чтобы привести его здесь целиком:

«По возвращении из нашего путешествия в Сибирь, о коем я вам скоро расскажу... (Далее Жам описывает свои семейные дела и обращается к теме поездки лишь несколько страниц спустя. – А. Ч.). Мне остаётся, мой дорогой друг, только сообщить вам то,

²⁰ РГАДА, ф. 1278, оп. 3, д. 1, л. 56.

²¹ См.: Шапп д'Отерош Ж. Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 году // Каррер д'Анкокс Э. Императрица и аббат: Незданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша / Пер. с фр. О. Павловской. М., 2005. С. 138. Ср.: Там же. С. 170.

²² Там же. С. 83.

²³ Там же. С. 171.

²⁴ Там же. С. 211.

²⁵ О нём см.: Чудинов А.В. Обычные и необыкновенные приключения французского губернёра в России XVIII в. // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 5. М., 2003.

что могло бы вас заинтересовать в нашем путешествии до Уфы, и это не займёт много места. Часть пути вам известна. У меня не было времени подробно изучать черемисов, чувашей и мордву, встреченных нами по дороге. Первые кажутся более умелыми и зажиточными, чем последние, они крещены и держат у себя в избах (*hisbés*) иконы, к которым обращают свои молитвы, но я думаю, в душе они зывают к другим божествам, нежели святые нашего Рая. Они боятся русских – это свидетельствует о том, что с ними плохо обращаются. У черемисов характер мягкий и добродушный. Чувашки некрасивы, грязны и неприятны. Мордвины очень близки к татарам. Женщины у васи этих народов сохраняют свой старинный костюм, мужчины, насколько могут, подражают русским. Все они имеют плохое здоровье, сильно страдая от простуд, золотухи и особенно от глазных болезней, из-за которых часто слепнут.

За двести вёрст до Казани нам стали встречаться пригорки высотой не более пятидесяти–шестидесяти туазов. Здесь природа развлекает путешественника частой сменой красивых пейзажей: плодородные равнины, леса на склонах, бегущие ручьи. Такая холмистая местность продолжается до самой Уфы и тянется потом ещё на сто восемьдесят вёрст, пока не переходит в высокие Уральские горы, ответвлением которых и является. Я с удивлением заметил, что по всему пути эти холмы имеют примерно одинаковую высоту – до такой степени, что один едва ли превосходит другой хотя бы на десять туазов. Они все состоят из глины, по крайней мере, эта порода преобладает тут повсюду. Скопления камней, замеченные нами, представляют собою слоистый конгломерат, который состоит из мелких осколков кремния, спаянных между собою глиной, и достаточно плотного песчаника, также спаянного глиной. Эти холмы раскопаны больше чем в тысяче мест, повсюду видны признаки присутствия меди. Чаще всего она попадает в чистой глине, которой придаёт зеленоватый оттенок, находили её также в глине окаменевшей и несколько раз – в слоистом конгломерате. Все эти породы бедны, содержат всего лишь от 2 до 5% [меди] и довольно туго поддаются плавке, при которой к ним добавляют известняк и сажу. Нередко в этих холмах встречаются окаменевшие деревья. Находят тут также малахит и самородную медь, но такая удача случается нечасто. Эти минералы попадают лишь небольшими, изолированными залежами, не имеющими продолжения. Шахты прокладываются в виде галерей, почти всегда идущих к вершине холма; они направляют вверх для того, чтобы обеспечить наклон для стока воды; они неглубоки: я не видел ни одной, которая доходила бы до середины холма. У каждого завода (*zavode*) есть определённое количество таких шахт – не меньше трёх–четырёх сотен.

Не стану рассказывать вам, мой дорогой друг, о городе Уфе, в котором нет ничего примечательного, кроме уродливости и грязноты. Две тысячи отвратительных, деревянных барачков, покосившихся на бок – такова столица трёх губерний (*la capitale de 3 gouvernements*)²⁶. Здесь нет самых необходимых для жизни вещей, однако река красива и судоходна. Живут тут ссыльные, а также татары и башкиры; их трудовые навыки столь скудны, что они ещё не умеют использовать гипс, на котором построен их город. Мы провели около трёх месяцев в этом убогом месте, живя в плохих условиях и весьма досадуя на такую потерю времени.

Мне нечем было утешить себя, кроме небольшого восьмидневного путешествия, в которое граф [А.К. Разумовский] попросил меня отправиться вместе с Майи²⁷ на юг от Уфы, дабы исследовать несколько шахт, выставленных на продажу. Мы удалились от Уфы на двести двадцать вёрст и находились не более чем в ста верстах от Оренбурга. Это место одно из наиболее высоких в Сибири. Реки, что берут здесь начало, текут одни на север, другие – на юг. Ландшафт составляют не долины и возвышенности, а холмы, громоздящиеся один на другой. Лучше всего их сравнить с морскими волнами при

²⁶ Жам неточен: Уфа губернским центром не была, но с 1781 г. являлась столицей Уфимского наместничества, состоявшего из двух областей – Уфимской и Оренбургской.

²⁷ Барнабе Огюстен Майи, французский художник-эмальер, владелец обширной коллекции минералов, собранных им в ходе многочисленных путешествий по России.

ветре средней силы. Они такой же природы, как и те холмы, о коих я вам уже рассказал, столь же плодородны и содержат медь. Там встречается много растений, среди которых можно распознать немало и таких, что произрастают в Индиях. Раковины довольно редки. Все шахты, предложенные графу для покупки, не богаты: в большинстве содержится только глина, содержащая от 3 до 4% меди; они самые плохие в регионе. Мы исследовали одну, которая принадлежит некоему Хлебникову и крайне любопытна. Она разрабатывается открытым способом и имеет глубину от одного до полутора туазов. Это пласт слоистого конгломерата, внутри которого находится некоторое количество [умерших] деревьев со всеми их стволами и ветвями. Конгломерат содержит не более 3—4% меди, но она сконцентрировалась вокруг деревьев и образовала корку толщиной примерно в дюйм-полтора из стекловидной меди и лазурита (l'azur). Древесина в земле разложилась и сменилась азурином (un bleu foncé), весьма богатым медью. Этот великолепный минерал содержит её до 25%. Внимательно обследовав его, мы установили, что внутренняя поверхность этой корки содержит вкрапления самородной меди, что делает эти образцы весьма интересными для [естественнонаучного] кабинета.

Нам заявили, что другая шахта более богата, чем эта, но находится в восьмидесяти верстах отсюда. Мы не поехали туда, опасаясь опоздать к отъезду графа. Нам также хотелось посмотреть Оренбург, но и от этого пришлось отказаться по той же самой причине. Считается, что в этом регионе имеются наиболее богатые в Уфимской губернии (gouvernement d'Oufa) шахты, если не считать тех, что находятся в больших Уральских горах. Однако даже самые близкие к ним заводы расположены, по меньшей мере, в двухстах верстах. Это объясняется редкостью лесов и нехваткой рабочих рук, поскольку башкиры, отыскивающие и охотно продающие шахты, не такие люди, которых можно принудить к осёдлой работе на заводах.

Сей народ достаточно интересен, чтобы я рассказал вам о нём чуть подробнее. Ему принадлежит вся Уфимская область (la province d'Oufa), кроме тех частей, что проданы татарам и нескольким сеньорам. Они (башкиры. — А. Ч.) никогда не хотели заниматься земледелием, в отличие, например, от живущих среди них татар. Башкир счёл бы себя обесщеченным, если бы стал работать в поле, поэтому они остаются скотоводами. Зимой они живут в плохоньких деревушках, которые сами возводят на скорую руку. Их бараки, загоны и все другие сооружения невелики и строятся из коротких брёвен прямо на земле. Помещение, где они живут, проветривается со всех сторон через щели между брёвнами. Посредине находится длинный цилиндр, 2—3 фута в диаметре, изготовленный из зелёных веток деревьев, вроде ивы, и обмазанный изнутри и снаружи горшечной глиной. Его ставят прямо на пол, который также слегка обмазывают глиной, и подводят к крыше, в коей делается соответствующее отверстие. Этот цилиндр разрезается на высоту 5—6 футов от земли. Таков очаг. Его устье открыто и даёт много жара. Башкир поворачивается перед огнём то так, то этак, в зависимости от того, какую часть тела хочет согреть. Если он засыпает, а дрова прогорают, в хижине становится так же морозно, как снаружи.

Едва растает снег, они покидают деревни и уходят со своими стадами в степи, где кочуют всё тёплое время года. Деревни совершенно пустеют, и только когда вырастает трава, несколько женщин приходят сюда, чтобы выкосить её вокруг домов. Её оставляют в небольших стогах, и зимой она служит кормом для коров и овец. Что касается лошадей, то им не дают ничего. Они обладают инстинктом, как северные олени, раскапывать копытами снег и питаться скрытой под ним травой. Эти лошади худы весь год, особенно зимой, имеют невзрачную внешность, но неутомимы. При виде нас они пугались.

Башкиры не знают хлеба; основную их пищу составляют молочные продукты. Едят они и мясо, но это случается не каждый день. Им явно нравится лошадиное молоко. Они заливают его в своего рода бурдюки, изготовленные из двух сшитых вместе кусков кожи с лошадиных ляжек. Никогда эти бурдюки не моются и полностью не опорожняются; новое молоко подливается к старому, которое служит закваской. Бурдюк, висющий на спине коня, постоянно взбалтывается, что препятствует слишком быстрому

створаживанию молока. Это – башкирский кумыс (coumis). Я его пробовал и счёл бы довольно неплохим, если бы грязный сосуд, в котором он содержится, не вызывал бы тошноту.

Башкир с наполненным бурдюком может путешествовать 15 дней, не зная другого питья и еды. Он всегда носит с собой топор; его оружие – лук и стрелы, которыми он пользуется с поразительной ловкостью. Ради стакана водки башкир отправится за сто вёрст. Сетуют также на их вероломство. Татары вызывают у них своего рода отторжение, доходящее до безгласности. Не знаю, оправдано ли это чувство, но, как я мог заметить, башкиры более здоровы и энергичны, чем земледельческие народы, виденные мною в этом путешествии. Кроме того, они очень привязаны к своему образу жизни, который ценят и который ещё сохраняет им свободу. Правительство обращается с ними осторожно. Они обязаны защищать границу от киргизов, которые их чрезвычайно боятся. Каждая деревня представляет собою своего рода республику, где, похоже, решающее слово имеют старейшины. Никто не имеет иного преимущества перед себе подобными, кроме опыта и ума. Я нашёл, что они не сильны в политике, так легко продавая свои земли. Граф вскладчину со свояком купил за тысячу рублей территорию, имеющую 50 вёрст в окружности и расположенную примерно на полпути между Казанью и Уфой. Причём показалось, что он даже заплатил лишку, так как находящиеся там шахты с содержащей медь глиной дают слабый доход. Башкиры говорят на диалекте татарского языка и исповедуют искажённое магометанство. Женщин у них трудно отличить от мужчин: они так же ездят верхом, как те, и так же хорошо переносят усталость. Таков, мой дорогой друг, народ, который из всех виденных мною вызвал у меня наибольший интерес. Я ничего не буду говорить вам о татарах: вы их знаете так же хорошо, как и я. Они довольно часто встречаются в Уфимской губернии. Я жил вместе с ними всё то время, пока длилось наше путешествие, и нашёл, что они, по меньшей мере, так же цивилизованы, как русские, если и не превосходят их во многих отношениях»²⁸.

Как видим, будучи искренне убеждён, что съездил «в Сибирь», Жам на самом деле побывал лишь в Предуралье, добравшись со своими спутниками только до Уфы.

Причиной подобной путаницы в использовании французами термина «Сибирь» было, думаю, не только действительно слабое знание ими географии восточных областей России, но отчасти и практика применения тогда данного топонима самими русскими. В XVIII в., наряду с географическим понятием «Сибирь», обозначавшим азиатскую часть Российской империи к востоку от Уральских гор, существовала также административная единица «Сибирская губерния», появившаяся в 1708 г. после введения Петром I нового административного деления государства. Территории, обозначаемые этими двумя понятиями, не совпадали: губерния, помимо собственно географической Сибири, включала в себя также ряд сопредельных областей Европейской России, в частности, туда входили и Вятка, и Пермь, и Кунгур, и Екатеринбург. И хотя уже в 1720-х гг. западная административная граница Сибирской губернии отодвинулась на восток, сблизившись с географической, те или иные сведения о временах, когда административная «Сибирь» начиналась немногим восточнее Волги, вполне могли дойти до наших французских путешественников, что едва ли сделало для них смысл данного топонима более ясным. А потому, приезжая в Вятку, которая с 1727 г. к Сибирской губернии не принадлежала, или в Уфу, и вовсе в неё никогда не входившую, соответственно Шапп д'Отрош и Жам полагали, что уже находятся в знаменитой «Сибири». Поэтому вполне возможно,

²⁸ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 274, л. 45–50.

что та «Сибирь», о путешествии в которую пишет Ромм, на самом деле находилась где-то на Урале в окрестностях Екатеринбурга. Ведь этот город тоже до 1727 г. входил в Сибирскую губернию.

А мог ли Ромм побывать ещё и в «настоящей» Сибири, если не у Байкала, то хотя бы в окрестностях Тобольска? Однозначно ответить на данный вопрос имеющиеся у нас источники не позволяют. Возможно, когда будут найдены – в московском ли фонде Строгановых или в пермских архивах – новые документы об этой поездке, моё предположение будет опровергнуто, но пока же отрицательный ответ мне представляется более вероятным, нежели положительный. В пользу этого говорят простые подсчёты. Путешествие, по свидетельству Ромма, продолжалось 6 месяцев: действительно, 11(22) июля они выехали из Петербурга в Москву, а 7(18) или 8(19) декабря Ромм уже писал из Петербурга отчёт друзьям о своих странствиях. И хотя этот срок, на первый взгляд, кажется вполне достаточным, чтобы добраться до самых отдалённых уголков страны, в действительности же его надо делить примерно пополам, так как в него входит время и на обратный путь. Итого три месяца, чтобы добраться до намеченной цели. Последняя известная нам хронологическая веха этого пути – «начало августа» – приводится в дневнике путешествия из Нижнего Новгорода до Казани. Стало быть, путь до Казани занял примерно месяц. Оставалось ещё два, но и дорога впереди была гораздо труднее.

В своё время Шапп, боясь опоздать на прохождение Венеры, гнал лошадей дни напролёт, ел и спал в санях и сумел добраться от Петербурга до Тобольска всего за месяц – скорость по тем временам едва ли не рекордная, чему во многом способствовало зимнее время года, когда, по замечанию Ромма, «всё становится одной большой дорогой». Но и у аббата ^{2/3} времени занял путь после переправы через Волгу.

Наши путешественники не спешили так, как Шапп, не изнуряли себя ночлегом в санях (всё-таки Павел Строганов был ещё 9-летним ребёнком) и не жалели времени на ознакомление со встречавшимися по пути достопримечательностями, а потому и ехали в три раза медленнее: если Шапп домчался от Петербурга до Волги за 10 дней, то у Строгановых и Ромма на это ушёл месяц. Если же они, подобно Шаппу, сразу от Волги поехали бы в Сибирь, то при таком соотношении скоростей у них на это ушло бы практически всё оставшееся до возвращения время. Однако их путь лежал не в Тобольск, а в село Ильинское, находящееся в окрестностях Перми. Здесь А.С. Строганов «вместе с супругой и сыном принял участие в торжественной церемонии учреждения наместничества 18 октября 1781 г.»²⁹. А если добавить сюда ещё и поездку в Екатеринбург, то времени на путешествие куда-либо ещё у него, очевидно, просто не оставалось. Пора было возвращаться, тем более что наступала осенняя распутица. Таким образом, вероятность посещения Роммом даже прилегающих к Уралу территорий «настоящей» Сибири, на мой взгляд, не слишком велика, а уж его путешествие к Байкалу и вовсе следует отнести на счёт фантазии М. де Виссака, если, конечно, тот сам не стал жертвой невольного заблуждения, приняв сделанные Роммом выписки из какой-либо книги по географии за его путевой дневник.

²⁹ См.: Кузнецов С.О. Не хуже Томона. СПб., 2006. С. 69–70.